

Глава 17. Послевкусие (4)

Похоронная служба была краткой.

Эстель, стоя перед алтарём, без запинки читала молитву.

Её голос был тихим и торжественным.

В белом жреческом облачении она выглядела святой.

Хотя сама она была человеком, который каждый день мечтал, чтобы Бог исчез.

В церкви сидело несколько человек.

Левина, Серафина, а также Кайл и его спутники.

Хворающий герцог Эдельгард и его жена, которая хоть и пыталась скрыть радость, но получалось у неё это плохо.

А также старейшины семьи и несколько незнакомых лиц.

Для похорон сына герцога церемония была на удивление скромной.

Впрочем, Эстель это не волновало.

Солнечные лучи, проходя сквозь витражи, рассыпались по полу разноцветными пятнами света.

В этом свете медленно танцевали пылинки.

Служба закончилась, и гроб начали выносить.

Эстель молча последовала за ним.

Когда они вышли из церкви, их ослепил яркий солнечный свет.

Небо было невероятно синим, ни единого облачка.

Словно оно благословляло смерть Лавина.

Словно насмехалось, говоря, что раз один ублюдок наконец-то исчез, мир станет светлее.

Ветер был тёплым и нежным.

Откуда-то доносилось пение птиц.

Погода была идеальной для пикника.

Эстель вдруг подумала.

Было бы здорово взять с собой несколько фруктов и посидеть на траве вон на том холме.

Вместе с Лавином.

Он, наверное, любил яблоки.

Не знаю почему, просто так казалось.

Ведь персики, которые она ему давала, он не ел.

Но для Серафины день был пасмурным.

Небо было сплошь пепельно-серым, и мир виделся в чёрно-белых тонах.

Она не знала почему, но после того, как она увидела повешенного Лавина, она в буквальном смысле перестала видеть цвета. Всё казалось либо белым, либо чёрным.

А когда она смотрела в зеркало, видела лишь свой силуэт.

Ни выражения лица, ни движений — ничего.

Поэтому Серафина решила просто ходить и улыбаться.

И Эстель не нравилась Серафина, которая ходила с улыбкой на лице.

До такой степени, что хотелось разбить ей голову Библией, которую она держала.

Гроб с именем «Лавин Эдельгард», пропитанный солнечным светом, блестел чёрным.

Эстель, как жрица, во время погребения с торжественным и серьёзным лицом читала молитву.

— Мы теперь возвращаем Лавина Эдельгарда в Его объятия.

Её голос был на удивление чистым.

Он мягко вплетался в тишину кладбища.

Люди, слушая её голос, склоняли головы и закрывали глаза.

— Хоть он и прожил короткую и грешную жизнь, душа его была чище всех.

Прошу, прими его душу и даруй ей вечный покой.

Молитва Эстель была долгой.

Она говорила о жизни Лавина, пересказывая сценарий, который дала ей Левина, и молилась, чтобы его душа обрела мир рядом с Богом.

Её тон был предельно официальным, но чувства, вложенные в слова, казались глубже, чем у кого-либо другого.

Люди были тронуты её видом.

Они шептались, что святая — это действительно нечто особенное, что только она могла так искренне оплакивать этого негодяя из рода Эдельгард.

Эстель в этот момент изо всех сил сдерживала свои чувства.

Её плотно сжатые губы и мелко дрожащие кончики пальцев доказывали это.

Она, должно быть, и не подозревала, что смерть Лавина станет для неё таким ударом.

Началось погребение.

Гроб медленно опускался в заранее выкопанную яму.

Люди бросали на гроб землю.

Сухая земля глухо стучала по крышке.

Никто не всхлипывал.

Даже его бывшая невеста, Серафина.

В этом не было ничего удивительного.

Увидев повешенного Лавина, Серафина не плакала, не кричала и не отрицала реальность.

Эстель лишь тупо смотрела на эту сцену.

В её руке тоже была маленькая лопатка.

Но она не набирала землю.

За всё время похорон Эстель ни разу не показала скорби.

Она воспринимала похоронный ритуал как простую работу.

Она просто не умела показывать свои чувства.

Нет, она старалась их не показывать.

Потому что, если она сломается один раз, её будет уже не остановить.

Как на похоронах её младшего брата.

Просто друг-непоседа, похожий на её брата, с которым она провела всего несколько недель.

Который, как оказалось, был не таким уж мусором, как о нём говорили, а просто очень уставшим, несчастным ребёнком.

Эстель считала Лавина просто другом, с которым легко общаться, или просто человеком, с которым комфортно находиться рядом.

Не знаю, с каких пор, но, видимо, у неё была к нему хоть какая-то симпатия.

Как к мужчине.

Впрочем, жизнь Эстель всегда была такой.

Её не радовало, что её называют святой.

Её не радовало, когда хвалили её милосердие, великодушие, доброту и благочестие.

На самом деле, она и не любила Бога.

И не верила в него, и не следовала ему.

Потому что Бог всегда таков.

Он — то, что отнимает всё, что ты можешь полюбить.

Когда тебя называют представителем такого существа, радоваться, конечно, нечему.

Люди, которые к ней подходили, подходили не к Эстель.

Все они, глядя на неё, подходили к «госпоже святой».

С Лавином было всё наоборот.

Он видел в ней Эстель.

А я видела в нём своего брата.

И всё же...

Погребение закончилось, и люди начали покидать кладбище.

Кто-то — чтобы поговорить с главой семьи Эдельгард, кто-то — чтобы вернуться домой после окончания церемонии, а кто-то — чтобы принять участие в небольшом приёме, устроенном Левиной для пришедших на похороны.

Эстель, не обращая внимания, осталась до самого конца, охраняя могилу Лавина.

Просто ровный участок земли, покрытый землёй, ещё без надгробия.

Она лопаткой выкопала небольшую ямку, достала из кармана яблоко, закопала его и снова засыпала землёй.

А потом достала две сигареты и подкурила.

Одну воткнула в могилу, а другую зажала в губах.

Белёсый дым растворился в синем небе.

Дым исчез, не оставив никакой формы.

Как и время, проведённое с Лавином.

Может, не стоило говорить ему, что я вижу в нём своего брата.

Хотя он умер не из-за этих слов.

Она глубоко затянулась, и едкий дым обжёг лёгкие.

Она закашлялась, содрогаясь всем телом.

Мир был слишком спокоен.

Ветер нежно гладил её волосы.

Тёплые солнечные лучи щекотали её щёки.

Словно ничего и не произошло.

Сигарета догорела до половины.

Пепел длинной полоской свисал, готовый вот-вот упасть.

Тук, и пепел упал, рассыпавшись по земле.

Она растерла его кончиком ноги.

Он исчез без следа.

Словно его и не было.

Докурив сигарету до конца, она затушила окурок о землю.

А потом тупо посмотрела на сигарету, воткнутую в могилу, долю Лавина, и тоже затушила её.

Мёртвым сигареты — это роскошь.

Я, живая, и то с трудом их достаю.

Она встала и отряхнула землю с одежды.

И пошла.

Приём проходил в небольшом банкетном зале особняка Эдельгардов.

За окном расстился ясный послеполуденный пейзаж.

На столах были расставлены простые закуски и вино.

Но никто не решался притронуться к еде.

Царило молчание.

Неловкое, тяжёлое молчание.

Левина стояла у окна с бокалом вина.

Она не пила, а лишь смотрела, как красная жидкость колыхнется в бокале.

Серафина сидела на стуле в углу, низко опустив голову.

Её плечи мелко дрожали.

Кайл и его спутники просто растерянно переминались с ноги на ногу.

Левина позвала их, но у них не было хороших воспоминаний о Лавине.

В банкетный зал вошла Эстель.

Все взгляды устремились на неё.

— Атмосфера какая-то напряжённая, не будто кто-то умер.

Сказала Эстель своим фирменным озорным голосом.

По крайней мере, для вас этот негодяй человеком не был.

Она подошла к столу и непринуждённо налила себе бокал вина.

— Все почему не едят? Вы же не обедали. Тут ведь много вкусного. Этот сэндвич выглядит неплохо.

Она взяла один сэндвич и откусила.

— Ветчина и сыр такие, что чувствуется вся боль и страдания простолюдинов.

Не будете есть? Тогда я всё съем одна.

Никто не ответил.

Эстель пожала плечами и сделала глоток вина.

И её взгляд устремился на Левину и Серафину.

Кажется, эти двое убили моего единственного друга.

И после этого делают такие лица.

Убили человека и улыбаются, но с таким видом, будто им грустно, и будто им всё равно.

— А что у вас двоих такие лица? Разве не вы сегодня главные героини, которые должны быть счастливее всех?

У одной наконец-то исчез собакоподобный негодяй-брат, которого она и называть так не хотела, а у другой чисто убрался мусорный жених, который тянул её на дно. Разве не стоит устроить по такому случаю не скромный приём, а целый банкет?

Голос Эстель был лёгким.

И без того холодный воздух в зале застыл.

Левина медленно повернула голову и тихо сказала:

— Это мой особняк. Я знаю, что вы живёте бездумно, но я была бы признательна, если бы вы следили за словами, госпожа святая.

— Как страшно.

Эстель, покачивая бокалом, хихикнула.

— Мы же с тобой вместе с Кайлом демонов ловили, почему ты такая напряжённая?

Из-за какой-то домашней скотины, которая сдохла.

— Эстель!

Вмешался Кайл.

Его лицо застыло.

— Прекрати. По крайней мере, сегодня не место для таких слов.

— Правда? А мне кажется, самое подходящее.

Не так ли? Ругайся не ругайся, он всё равно не услышит. Он же умер.

Эстель мельком взглянула на Кайла и снова повернулась к Левине.

— Ну, как ощущения? Бельмо на глазу исчезло, и на душе стало легче?

Или, может, всё-таки кровь не вода, и хоть одна слезинка да пролилась?

Она подошла к Левине и помахала бокалом у неё перед носом.

Красное вино, ударяясь о стенки, колыхалось, как кровь.

Она положила палец ей на плечо, затем медленно провела по синяку на шее, а потом погладила по щеке, улыбаясь.

<http://erolate.org/book/1526/189202>